

Республика Беларусь как проект развития

Любое государство не просто представляет собой набор неких институтов и процедур, но, прежде всего, стремится к достижению определенных целей. Кстати, такое популярное сейчас слово идеология появилось именно в контексте изучения причин процветания и упадка государств. А куда движется Республика Беларусь? В чем заключается белорусский путь развития? То, что такой феномен существует, подтверждают многие ученые, политики и общественные деятели. Мы решили разобраться в том, откуда берет истоки наша модель развития, в чем ее самобытность и какое будущее ждет тот проект государственного строительства, который мы, граждане, совместно претворяем в жизнь. Для участия в круглом столе редакция пригласила людей разного возраста и квалификации, чтобы разброс мнений оказался максимально широким.

— **К**огда мы говорим о некоей модели, то она должна иметь соответствующие признаки и атрибуты. Белорусская политическая система не исключение. Чем наш путь развития отличается от других? Действительно ли можно говорить о самобытной модели белорусской демократии?

В. МЕЛЬНИК: Об отечественной модели демократии вполне можно говорить как об оригинальном политическом феномене. И даже шире – о национальной модели развития. Я бы так определил ее характерные черты. Во-первых, сильная государственная власть, способная обеспечивать необходимые условия для эффективной деятельности общества. Во-вторых, равноправное функционирование частного и государственного секторов экономики, соотношение между которыми определяется интересами общественного производства. В-третьих, подход к приватизации не как к самоцели, а как к средству повышения эффективности хозяйствования, конкурентоспособности. В-четвертых, развитие интеграционных процессов с Россией и другими странами СНГ, одновременно с этим и многовекторность внешней политики. В-пятых, сильная социальная политика государства, направленная не только на повышение уровня жизни различных категорий населения, но и на развитие человеческого потенциала как фактора экономического роста.

С. КИЗИМА: Первый признак нашей модели развития – это сильная централизация, что обусловлено сложной геополитической и геоэкономической обстановкой в регионе. Опыт белорусского народа, например, частые войны в прошлом, подсказывает: чтобы выжить, нужна сильная власть. Это позволяет оперативно принимать решения, работать на опережение. Только так можно сохранить и суверенное государство, и белорусский этнос.

Другая особенность – мощный государственный сектор. В переходный период, как показала практика, отдавать все на волю рынка чревато негативными последствиями. Украина и Молдова именно так и сделали. В результате рейдерских захватов, тотальной коррупции многие вполне успешные промышленные предприятия там уже уничтожены. Возьмем хотя бы нефтепереработку Украины, которая была очень успешной отраслью в конце 1980-х, а сейчас – жалкие остатки.

Еще один признак – социальные стандарты. Белорусская нация формировалась при крайне неблагоприятных обстоятельствах. Вплоть до 1960-х годов характерной чертой жизни белорусов была бедность. Только через пару десятилетий после Великой Отечественной войны белорусы начали нормально жить, получать квартиры, обзаводиться имуществом. В такой ситуации не могла не выработаться ментальная настроенность народа на социальную спра-

Владимир МЕЛЬНИК,
доктор политических
наук, профессор кафедры
философских наук
и идеологической работы
Академии управления
при Президенте
Республики Беларусь

Сергей КИЗИМА,
доктор политических
наук, доцент,
заведующий кафедрой
международных
отношений Академии
управления
при Президенте
Республики Беларусь

ведливость, равенство. Белорусский менталитет не воспринимает жесткое социальное расслоение, перекачивание ресурсов от простого населения вверх к элитам. Это серьезно отличает наше мировосприятие, скажем, от американского. Поэтому и востребованы те лидеры, которые не на словах, а на деле заботятся о социальном равенстве и справедливости.

Г. ИОФФЕ: Безусловно, белорусская политическая система органична тому социуму, в недрах которого она получила развитие. Каковы основные черты этого социума? Во-первых, поздняя урбанизация и, соответственно, доминирование коллективистской ментальности, характерной для крестьянских сообществ. Еще в 1962 году Nicholas Vakar (Николай Платонович Вакар) показал в своей книге *The Taproot of Soviet Society*, что советская политико-экономическая система уходит корнями не в марксизм – от него она взяла только семиотику (символы и лозунги), а в уравнительно-передельную общину. Эта книга не произвела должного впечатления, тем более в год Карибского кризиса, когда советский социализм должен был выглядеть порождением чуждой и зловещей идеологии, а не «всего лишь» культурным своеобразием отдаленной страны. Глубоко символично, что именно Вакар написал до этого (1956) самую замечательную книгу о Беларуси из всех когда-либо выходивших по-английски (*Belorussia: The Making of a Nation*. Cambridge, MA: Harvard University Press). Несомненно, крестьянский коллективизм, неприятие крупной частной собственности, сильные патерналистские ожидания – составные части бэкграунда белорусской политической системы.

Во-вторых, БССР была одной из нескольких советских успешных республик. Почему-то многие не хотят признать этот, по-моему, очевидный факт. В 1980-е годы советская система не представлялась белорусам сломанной, посему они не слишком хотели ее чем-то заменить. Собственно, белорусы мало чем отличались от основной массы россиян, но в России есть Москва и Петербург (Ленинград), уникальные общности в смысле сосредоточения критического потенциала, во многом обязанного русскому западничеству. Ничего похожего в Беларуси не было и нет.

Как следствие вот этих фундаментальных особенностей, в Беларуси была потреб-

ность в прямой, а не в представительской демократии. Парламент как был декорацией при советской власти, так им и остался, тогда как исполнительная власть оказалась персонифицирована в фигуре мощного лидера с крестьянской закваской. По уровню доверия А.Г. Лукашенко и парламент были, мягко говоря, в разных весовых категориях. Отсюда и легкость победы Президента в конституционном кризисе и последующем референдуме 1996 года. Отсюда и еще большая привязанность к прямой, а не представительской демократии.

Наконец, следует отметить незавершенность национального строительства, трудность ментального отчленения от России и, соответственно, представление о чужеродности западного опыта.

Вот все это и определило основные черты белорусской политической и, шире, социально-экономической системы: своеобразный тип демократии – плебисцитарный и вождистский, не либеральный; отвращение к олигархии и клановости; сильные патерналистские ожидания, которые в целом реализуются системой здравоохранения, соцобеспечения, рекреации (в ее лучших советских формах), поддержания порядка в городах и т.д. То есть Беларусь в этом отношении и не Запад, и не Россия, но также и не Кавказ или Центральная Азия, где успешный бизнес может быть только под патронатом «королевской» семьи и где коррупция не воспринимается как нарушение правил поведения. В этой белорусской системе практически нет места политическим партиям (белорусский парламент – один из самых беспартийных в мире), здесь достаточно трудно существовать оппозиции. И не просто потому, что ее никто не финансирует внутри страны, а главным образом потому, что широкие массы не видят в ней нужды. Поэтому, когда внешние силы хотят формирования полноценного (в англосаксонском духе) капитализма и полноценной же либеральной демократии – и хотят они этого на порядок более страстно, чем сами белорусы, этим внешним силам успех не светит, ибо, как говорится, нельзя быть большим католиком, чем Папа Римский.

А. ШПАКОВСКИЙ: В первую очередь следует отметить в белорусском социуме приоритет коллективного над индивидуальным. То есть нашему обществу характерен этатистский подход. В отличие от западных

стран, здесь всегда более радели за общее, нежели за частное. Именно этим, наверное, и объясняется характер современной белорусской государственности. Можем вспомнить, что до настоящего момента сохранилась даже такая традиция, как толока, когда жители населенного пункта собирались все вместе и работали над решением общей проблемы. В советское время эта традиция преобразовалась в субботники. Она сохранилась и в современном белорусском обществе. Некоторые западные «аналитики», когда сталкиваются с этим явлением, порой неверно его толкуют, считая принудительным трудом. Это просто непонимание наших традиций. Приоритет общего блага над коммерческим подходом отличает нашу державу, а из этого вытекает и все остальное: и сильная президентская власть, и общественный консенсус, и стабильность элит.

П. ПЕТРОВСКИЙ: Чтобы понять современную белорусскую модель, нужно посмотреть на почву, на которой она выросла. Институты белорусского государства сформировались в период БССР. Именно тогда были созданы и государственное управление, и национальные образование, наука, культура, все атрибуты белорусской политической нации. В отличие от других восточноевропейских наций, она формировалась под знаменем социальной справедливости. Ибо Беларусь со времен Полоцкого княжества, Киевской Руси находилась в орбите цивилизации, где социальный характер отношений, их господство над индивидуальным ставились на первое место, в том числе и Православной церковью. Вспомним хотя бы те идеи, которые высказывал митрополит Илларион в своем «Слове». Оттуда берет корни и толока, и другие наши традиции.

Чрезвычайно важное влияние оказывает и то геополитическое положение, в котором мы находимся. Беларусь всегда была местом борьбы Запада и Востока. Нужно отметить влияние на нашу историю Великой Отечественной войны, которая была фактически национально-освободительной борьбой. Тогда появляется феномен партизана – экзистенциальный поведенческий тип белоруса, отличающий нас от поляков, прибалтов, украинцев. У нас партизанское движение было масштабным и всеобщим. Послевоенная элита формировалась из

участников партизанского движения, она была объединена общей кровью. Поэтому Беларусь выбрала в середине 1990-х годов преемственность, а не ломку системы, как это сделали другие страны Восточной Европы.

В 1994 году произошла консервативная революция снизу легальным путем. Ее результаты были закреплены путем проведения всенародных референдумов. Мы не отвергаем белорусскую советскую государственность, не делаем ставку на жесткий капитализм, а выбираем социально ориентированное государство, ответственное перед своими гражданами. В этом отношении белорусское государство зиждется на социальной ориентированности, коллективизме и оперативном реагировании на геополитические вызовы.

– Но ведь, по крайней мере, у трех восточнославянских республик СССР присутствовали схожие черты. Почему именно в Беларуси стала возможна революция 1994 года? Ключевую роль в этом сыграл персональный фактор или что-то еще? Почему мы пошли своим путем, а не стали следовать предлагаемому всем шаблону?

В. МЕЛЬНИК: Для начала очень важно установить истоки формирования нашей системы, найти корни. Часть историков считает, что она возникла в январе 1919 года, когда была провозглашена БССР. Многие утверждают, что время формирования нашей политической системы относится к 1991 году, то есть времени распада СССР и провозглашения независимости Республики Беларусь. В этих суждениях имеется своя логика. Но, на мой взгляд, начало отсчета нашей государственности, следовательно, и возникновения белорусского политического феномена можно отнести к декабрю 1917 года – к Первому Всебелорусскому съезду. Напомню, он состоялся с санкции лично В.И. Ленина и наркома по делам национальностей И.В. Сталина, выделивших достаточно крупную сумму денег на организацию съезда. Планировалось, что съезд подготовит провозглашение белорусского государства во главе с Советами. Этот съезд принял резолюцию, которая признавала советскую власть и провозглашала курс на союз с Россией. Кстати, съезд не давал мандат на создание БНР. Резолюция была реализована через год, уже после оконча-

Григорий ИОФФЕ,
профессор Рэдфордского
университета (США)

Александр ШПАКОВСКИЙ,
директор
информационно-просветительского
учреждения «Актуальная
концепция»

Петр ПЕТРОВСКИЙ,
научный сотрудник
Института философии НАН
Беларуси, руководитель
Консервативного центра
NOMOS

ния немецкой оккупации, в виде создания БССР.

Общее, что связывает ту эпоху и современность, заключается в том, что обе модели исходят из интересов абсолютного большинства населения страны. В их основе лежит широкое народное представительство. Фактически Всебелорусский съезд созывался путем делегирования на него представителей различных категорий населения. Не случайно важным элементом формирования нынешней политической системы являются Всебелорусские народные собрания, на которые трудовые коллективы делегировали своих представителей. Современная белорусская модель генетически связана с советской.

Главное отличие нашей модели демократии от западных состоит в том, что те унаследовали устойчивые, исторически сложившиеся и в реальности, и в сознании граждан элементы многопартийности, а наша современная модель такого устойчивого оформления в виде политических партий не получила. В советское время у нас была однопартийная система, и Компартия полностью отождествлялась со структурами государства. С этим связаны сложности партийного строительства на современном этапе.

С. КИЗИМА: В 1994-м у нас появился лидер, который тонко чувствует особенности народного менталитета. Он в состоянии понять запросы общества и быстро сформулировать ответы на эти запросы, основываясь на социальной справедливости, поскольку сам выходец из простых слоев населения. И готов эту социальную справедливость отстаивать. Поэтому в 1994 году белорусский народ делегировал ему права по защите национальных интересов общества и государства. И за время его президентства мы имели периоды, когда наша экономика являлась одной из самых быстрорастущих в мире. К сожалению, в 2008 году начался мировой финансовый кризис, последствия которого и сейчас не преодолены. На этом фоне разгорелась война в Украине. То есть обстановка не дает расслабиться. Думаю, сложившиеся в рамках белорусской модели методы управления будут и дальше востребованы.

Г. ИОФФЕ: Во-первых, смятение начала 1990-х было очень велико, ведь белорусы тогда не хотели независимости, и ее

первые плоды были не вполне съедобны. Во-вторых, не было мощной либеральной тусовки, которая бы обеспечила принятие того, что вы назвали общим шаблоном, возглавила бы движение к этому идеалу. Ну и, наверняка, сказалось слабое внимание Запада – куда более слабое, чем к Москве или Киеву. Я в своей книге 2008 года цитировал воспроизведенный журналом *The Economist* (в 2004 году) разговор между С. Шушкевичем и одним американским конгрессменом. Тот (по его собственному признанию корреспонденту *The Economist*) сказал Шушкевичу: «Мне всегда нравилась Ваша страна, особенно с тех пор, как вы свергли этого негодяя Чаушеску». Часто слабое представление о той или иной стране на Западе вредит ей, но бывают обстоятельства, когда это, напротив, помогает. Вот в начале 1990-х сложились как раз такие обстоятельства. «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь». Мне кажется, белорусам в этом отношении безумно повезло. Достаточно посмотреть на сегодняшнюю Украину... А никаких других реальных опций не было и нет.

А. ШПАКОВСКИЙ: То, что произошло в 1991 году, противоречило воле белорусского народа, который в абсолютном своем большинстве высказывался за сохранение СССР. В декабре 1991 года граждане проснулись и обнаружили, что великой державы больше нет. А в ту державу было вложено немало сил белорусов – ведь наша республика была регионом-донором. Народу оказались навязаны абсолютно чуждая ему символика, которая использовалась коллаборационистами в годы Великой Отечественной войны, непонятная новая идеология. Угроза разрушения нависла над существующими производственными связями, системой безопасности. И, самое главное, единству нашей нации был брошен вызов, начались раздраз и полная анархия. Мемуары некоторых политических деятелей той эпохи полны бахвальства: как опечатывали горкомы, обкомы, выносили партийную документацию, врывались в райотделы милиции и КГБ. То есть это был разгул горлопанства, популизма и вседозволенности. В 1994 году произошло возвращение к порядку, квинтэссенцией чего стало введение поста Президента. И здесь не нужно увлекаться чрезмерной персонификацией. Ведь, по сути, в Белару-

си действует «коллективный Лукашенко» – общая воля народа, дающая право власти осуществлять ее политику.

П. ПЕТРОВСКИЙ: Преобразования, произошедшие после 1994 года, опираются на наши обычаи, несколько отличные от традиций многих соседей. Советская государственность для Беларуси была органичной. Здесь всегда вполне естественно воспринимался принцип сильной централизованной власти этатистского типа, который должен обеспечивать субъектность этноса, составляющего основу государства. Если посмотреть, как в Беларуси проходили коллективизация и индустриализация, то увидим, что наш народ с меньшим скрипом пошел на эти меры, в итоге мы получили республику более высокого уровня развития, чем в других регионах СССР.

Еще один показательный пример. Когда шла речь о создании БССР, затем ее укрупнении, то противники этого процесса заявляли, что белорусы малограмотные, здесь нет элиты, следовательно, нет основы для государственности. В ответ Сталин способствовал созданию в Беларуси институтов образования и науки, в итоге у нас появилась своя элита, тесно связанная с народными, крестьянскими корнями. В нашей дискуссии уже говорилось о коллективном образе белорусов. Для меня это образ хозяина, гаспадара.

– Возможно, отчасти болезненный вопрос, но необходимый. Мы часто говорим об успехах отечественного развития, достижениях. Но, что вполне естественно, есть и недостатки, и определенные риски. Какие из них вы бы выделили как первоочередные, требующие исправления в ближайшее время?

В. МЕЛЬНИК: У нас в политической системе не отработан механизм передачи власти от одной генерации руководителей государства к другой. Поэтому существует опасность неожиданных поворотов в функционировании механизма власти. Это во многом обусловлено слабым развитием партийной системы в нашей стране. Хотя предпосылки для формирования полноценной многопартийности в Беларуси имеются.

Не претендуя на бесспорность, считаю возможным в зависимости от отношения политических партий Беларуси к той или иной форме собственности, а

значит, и к действующей национальной экономической модели, подразделить их на пять групп: 1) социалистические (КПБ, Белорусская партия левых «Справедливый мир», Белорусская аграрная партия); 2) социал-демократические (БСДП(Г), Социал-демократическая партия народного согласия и БСДГ); 3) социал-либеральные (Республиканская партия, РПТС, Белорусская партия «Зеленые», Белорусская патриотическая партия и Белорусская социально-спортивная партия); 4) либерально-демократические (ОГП, ЛДП); 5) национально-демократические (Партия БНФ и Консервативно-христианская партия БНФ).

На мой взгляд, такая идеологическая градация отражает идеологические взгляды, бытующие в обществе. И она должна быть отражена в реальной политической жизни.

С. КИЗИМА: Одной из самых главных задач для нас является кадровое обновление на предприятиях. Очень многие из них не обладают управленцами необходимого уровня, хотя таковые в стране есть. Предприятиям нужно научиться искать толковых специалистов, мотивировать их, проводить ротацию. К сожалению, часто встречается ситуация, когда директор предприятия совершенно не разбирается в маркетинге, а предприятие должно поставлять на мировые рынки большие объемы продукции. Мало того, что сам не разбирается, так не дает работать специалисту по маркетингу. В качестве одного из вариантов выхода из ситуации мы используем систему холдингов, говорим о создании кластеров. С моей точки зрения, мы должны идти по пути образования транснациональных корпораций. На рынках доминируют сто тысяч транснациональных корпораций. Если у нас не будет своих, то мы станем просто питательным планктоном для уже имеющихся. Некоторые можно создать из того, что у нас есть, с участием (или без него) иностранного капитала. Эти корпорации могут быть государственные, частные или смешанного типа. Скажем, зачем нам несколько отдельных предприятий машиностроения, если каждое из них слабее крупной западной ТНК? Давайте их объединим – будет легче конкурировать, плюс избежим ненужного внутриведомственного противоборства. И по другим отраслям ситуация похожая.

В области сельхозобработки можно создать одну корпорацию «Белорусские продукты». Уже сейчас на рынке она будет «весить» несколько миллиардов долларов, располагать лоббистским потенциалом, легче договариваться с торговыми сетями, чем отдельные мелкие предприятия.

А. ШПАКОВСКИЙ: Безусловно, мы сохранили черты советской государственности, преемственность, но привнесли в экономику и жизнь много капиталистических черт. И ситуация заключается в том, что основа нашей государственности – это тот комплекс активов, который достался нам в наследство от Советского Союза. Наше общество сумело его сохранить и сберечь. Но этот этап мы прошли, сейчас мы находимся на стадии созидания. Самая главная угроза белорусской модели развития – это ее экономическая составляющая. Сумеет ли мы развить существующий у нас потенциал? И здесь мы сталкиваемся с проблемой формирования управляющих элит. Упомянутый корпус активов возводился волей политического руководства Советского Союза. А это была социалистическая империя, сверхдержава. Активы создавались вовсе не под потребности современной Беларуси в ее географических масштабах и людских ресурсах, а под потребности Советского Союза и даже шире – стран СЭВ. Сейчас мы сталкиваемся с тем, что этот комплекс производственных активов нужно обслуживать, развивать и модернизировать. Силами только белорусского народа и теми кадрами, которыми мы располагаем. Если такого рода кадры будут подготовлены, проведена поисковая работа среди перспективной молодежи, то мы выживем и превзойдем современное состояние.

В. МЕЛЬНИК: Я полностью согласен. В связи с этим важно подчеркнуть значение Академии управления при Президенте Республики Беларусь, которая призвана готовить не просто управленцев, а политическую элиту страны.

П. ПЕТРОВСКИЙ: Я бы выделил следующие риски для Беларуси. Первый – это идеологический. Наши элиты в каком-то смысле остались наедине с собой. Может ли белорусское государство обеспечить преемственность со следующими поколениями? Или они будут под влиянием внешних факторов изменять изнутри эту систему и скатываться к модели восточноевропейско-

го маленького государства? Разовьем ли мы наши здоровые внешнеполитические амбиции? Второй вызов: из-за сильного патернализма государства многие граждане не хотят брать на себя ответственность за нашу общую жизнедеятельность. Это сказывается особенно на уровне самоуправления, ЖКХ. Все ждут, когда придет дворник, сантехник и т.д. Сегодня нужно воспитывать новое более самостоятельное поколение граждан. Нам нужны некоторые трансформации в гражданском обществе. Оно должно быть государственным, инициативным. В принципе можно частично заимствовать опыт работы гражданского общества Скандинавии.

А. ШПАКОВСКИЙ: То есть этатизм надо сохранить, а степень патерналистских ожиданий снизить.

Г. ИОФФЕ: Зачастую недостатки – экстраполяция достоинств. Все же оппозиция нужна, и сам Лукашенко признает это, он об этом недвусмысленно сказал в интервью, данном мне в 2011 году. Так что оппозицию предстоит вырастить. Экономический рост надежнее обеспечивается в рамках частной собственности: следовательно, ее предстоит выпестовать. Наверное, и партии потребуются, и элементы представительской демократии тоже. Но Беларусь привыкла не делать резких движений. Это скорее хорошо, чем плохо. А вообще человеку, не живущему в Беларуси, сложно ответить на этот вопрос.

– И все же, не преувеличиваем ли мы самобытность и уникальность нашей системы? Насколько, по-вашему, она окажется долговечной? Ведь может стать так, что те характерные черты, о которых здесь говорилось, вызваны ситуативными, персональными факторами и через некоторое время перестанут иметь существенное значение. Или все же удастся обеспечить преемственность нашей политической традиции?

С. КИЗИМА: Учитывая сложнейшую геополитическую ситуацию, мы не сможем отказаться от сильной централизации политической системы, от сильного лидера, способного молниеносно принимать решения. Возможно, полномочия Президента в будущем будут урезаны в силу конкуренции с другими ветвями власти. Но, в любом случае, президентский пост останется ключевым в нашей политической системе.

Нам нужен на этом посту государственный деятель, который, в отличие от обычного чиновника, мыслит не годами, а десятилетиями. Вот тогда у нас есть шанс преодолеть все проблемы и двигаться вперед. Когда в некоторых европейских государствах не могут согласовать по году состав правительства – это не наш путь, не нужно ориентироваться на эти модели.

В. МЕЛЬНИК: Думаю, в нынешних условиях имеются все предпосылки для того, чтобы обеспечить преемственность и совершенствование политической системы. Основой такой уверенности является характер белорусского народа, такие его качества, как памяркоўнасць – способность много размышлять, прежде чем принимать какие-то кардинальные решения, ведущие к переменам в своей жизни; толерантность – стремление избежать внутренней смуты в нашем государстве. Именно благодаря этим качествам нашего народа в середине 1990-х годов удалось выйти из политического кризиса. Ведь ныне действующую модель демократии выбрал сам народ. И в этом ее сила. Еще одна черта белорусского народа – его демократизм, способность коллективно принимать решения. И все наши исторические формы народного представительства говорят об этом.

Г. ИОФФЕ: Как я постарался показать, белорусская модель не упала с неба и не внедрена по внешнему наущению, она самобытная и укорененная и в этом смысле долговечная. Но ее конкретное наполнение ситуативно, поскольку фигура А.Г. Лукашенко заслоняет собой весь политический небосклон. Это объективно крупная личность, политик, превосходящий масштабы страны, которую он возглавляет. Это и хорошо, и плохо. Поскольку никто не вечен, проблему преемственности власти придется как-то решать, чтобы не только белорусская модель, но и сама Беларусь не оказались сметенными с политической карты.

А. ШПАКОВСКИЙ: Я бы сейчас упомянул о политической оппозиции. Эти группы представляют собой абсолютно чуждую белорусскому народу политическую традицию такого анархистского типа. Президент часто употребляет слово гвалт. Политическая оппозиция все эти годы ничем не занималась, кроме «гвалта», и эта ее риторика совершенно деструктивная, что и определило те позиции, которые она занимает в нашем

социуме. Сейчас успех оппозиционных деятелей зависит от того, какие программы развития они предложат белорусскому обществу, достаточно технократическому. Я напомним, что у белорусского народа в центре всегда стояла фигура гаспадара. Если эти силы будут апеллировать к каким-то хозяйственным ценностям и программам, а не к политико-идеологическим, националистическим, тому, что не имело никогда существенного значения для белорусского человека, тогда, возможно, изменится и их место, но тогда трансформируются и они сами.

Касательно угрозы существованию нашей модели, то надо понимать, что мы не развиваемся в замкнутом пространстве. На нас пытаются оказывать внешнее воздействие, влиять на нашу систему ценностей. В первую очередь, через доступный сейчас Интернет. Пока прогосударственные силы и государственные медиа явно недорабатывают в плане активности в сети Интернет, что связано со сменой поколений. А наши оппоненты тем временем сменили тактику в отношении Беларуси. Центр тяжести перенесен на работу по изменению сознания. Проводится ревизия системы ценностей, подмены героев. Пока этот процесс не принял необратимый характер, он даже не является массовым. Но из искры может возгореться пламя. И здесь очень важной является целенаправленная деятельность по сохранению информационного суверенитета.

П. ПЕТРОВСКИЙ: Одной из приоритетных задач должно стать нахождение своего места в геополитической архитектуре мира. Кем мы будем? Маленьким государством под внешним управлением или субъектом, который сам будет решать свою судьбу? Здесь главный риск – заикленность на самих себе, желание отличиться от других, даже изолироваться под видом некоего нейтралитета. И элиты должны дать ответ на эти вопросы. Президент нащупал свой путь: Союз России и Беларуси, ЕАЭС, многовекторная политика, а в перспективе – «интеграция интеграций», объединение Европы. От успешности движения по этому пути будет зависеть и стабильность нашей системы, преемственность политических традиций.

Круглый стол провел Вадим ГИГИН, кандидат исторических наук, доцент ▮